

Если говорить прямо, история эта была не из тех, чем можно гордиться.

Первую женщину Линь Саня звали Ван Сюэмэй. Когда они сошлись, Линь Саню было всего пятнадцать лет, в то время как Ван Сюэмэй уже исполнилось двадцать три.

Оба они не были, что называется, «порядочными людьми».

Юный, но крепкий телом уличный хулиган и одинокая, эффектная, но томящаяся от скуки «старшая сестра» из парикмахерской.

Когда «небесный гром» встречается с «земным пламенем», последствием предсказуемо стало появление новой жизни.

Линь Сань в ту пору сам был еще ребенком — какая уж тут ответственность? Разумеется, он просто смазал пятки салом и пустился в бега.

Тяжело вздохнув, Линь Сань никак не ожидал, что долги по грехам прошлого владельца тела так быстро предъявят к оплате. Он смотрел на юношу перед собой, и в голове его проносились тысячи мыслей.

— Ты сначала переоденься, я провожу тебя домой.

Услышав это, Ван Яо покачал головой и сказал, что его рабочее время еще не закончилось, к тому же за ним придут.

Произнося это, он бросил на Линь Саня настороженный взгляд своих маленьких глаз.

Ну что ж, в некоторых делах спешка ни к чему, для начала нужно во всем досконально разобраться.

Линь Сань не ушел. Он прождал в заведении еще два часа, пока этот ребенок по имени Ван Яо не закончил ночную смену. Только тогда Линь Сань предложил: «Давай я угощу тебя завтраком». На лице юноши отразилось колебание, но в этот момент к ним подошла фигура, которая уже давно ждала снаружи. Это был мальчик в школьной форме, длиннорукий и длинноногий, весьма симпатичный. Однако выцветшие матерчатые туфли и рюкзак в заплатках без слов говорили каждому: этот ребенок из не самой благополучной семьи.

— А-Яо.

— Цинь Чжи!

Увидев юношу, глаза Ван Яо мгновенно засияли, и сам он заметно расслабился.

Линь Сань посмотрел на обоих детей и сказал им:

— Пойдемте вместе, я угощу вас баоцзы с мясом.

Через пять минут они появились в закусочной на соседней улице.

Дела в закусочной шли бойко.

Линь Сань за один раз заказал три порции баоцзы, три чашки рисовой каши и пять чайных яиц.

Пользуясь своим недюжинным обаянием и недавним спасением жизни, Линь Сань вытянул из этих двоих немало информации.

Во-первых, они оба были учениками первого класса одной из старших школ (10-й класс), к тому же одноклассниками.

Во-вторых, Ван Яо очень нуждался в деньгах.

Неужели ребенку пятнадцати-шестнадцати лет уже приходится нести на себе тяжкое бремя жизни? Его отец и мать, должно быть, просто куски дерьма.

Эм, погодите-ка... кажется, я и есть тот самый кусок дерьма.

Линь Сань тяжело откашлялся. Он не был из тех мужчин, что тянут резину, поэтому решил прояснить ситуацию напрямую.

— Если я правильно помню, твою мать зовут Ван Сюэмэй, бабушку — Чэнь Апин, и еще у тебя должен быть дядя, который работает на молокозаводе. Я прав?

При этих словах выражение лица Ван Яо стремительно изменилось.

Линь Сань продолжил:

— Не знаю, упоминала ли твоя мать при тебе имя Линь Цзяньхай.

На этот раз выражение лица Ван Яо не просто изменилось — его можно было описать словами «смертельная бледность».

Он оцепенело смотрел на мужчину перед собой, пребывая в полном смятении и растерянности.

— Да, я и есть Линь Цзяньхай, — отрезал Линь Сань, решительным тоном сообщая собеседнику: я твой родной отец.

Ван Яо подскочил со своего места и, подобно вихрю, бросился прочь.

Цинь Чжи крикнул: «А-Яо!» — и перед тем как броситься вдогонку, не забыл наградить Линь Саня свирепым взглядом.

Ван Яо, словно безумный, на одном дыхании добежал до самого дома.

Тетя Хуан Лин, которая в это время бездельничала и спала в комнате, вздрогнула и проснулась. Она не удержалась, села в кровати и принялась громко ругаться.

Ван Яо не обращал на нее внимания. Он лишь лихорадочно вытащил из-под кровати облезлую жестянку из-под печенья. Дрожащими руками он начал искать и, наконец — в поле его зрения появилось черно-белое фото двоих людей. На снимке были мужчина и женщина: женщина — биологическая мать Ван Яо, Ван Сюэмэй, а мужчина — его легендарный биологический отец.

Это он!

Это действительно он!

Только на много лет моложе!

Ван Яо долго смотрел на фотографию, а в конце обхватил колени руками и громко, навзрыд разрыдался.

Линь Сань прекрасно понимал, что «он сам» — папаша паршивый. Раз уж он четко осознал этот прискорбный факт, значит, нужно брать инициативу в свои руки и нести ответственность. Поэтому на следующий день Линь Сань оседлал велосипед «28 калибра», одолженный у братишки Лана, и не спеша покатыл наносить визит.

Добрался он до места около пяти вечера — как раз когда большинство рабочих возвращались со смен. Линь Сань, прихватив пакет с гостинцами, поднялся прямиком на второй этаж жилого корпуса молокозавода и принялся настойчиво барабанить в дверь первой квартиры слева.

На вопрос «Кто там?» дверь распахнулась. На пороге стоял мужчина средних лет с квадратным лицом и смуглой кожей. Он немного сутулился и выглядел довольно измотанным.

— Здравствуйте, это дом мастера Вана? — спросил Линь Сань.

— Я — биологический отец Ван Яо.

Стоило ему это произнести, как на честном лице мужчины тут же отразилось крайнее изумление. Линь Сань подгадал время так, чтобы вся семья была в сборе.

Ван Яо, увидев вальяжно входящего мужчину, который называл себя его отцом, сразу же съежился, а на его худощавом лице проступил испуг и растерянность. Заметив это, Линь Сань сначала подмигнул ему, призывая успокоиться, а затем быстро окинул взглядом обстановку. Жилье было явно тесным и очень ветхим. Самое главное — в этой семье был еще один старшеклассник и двое детей помладше, похоже, ученики начальной школы. Пятерым тесниться в конуре меньше сорока квадратов — задача не из легких.

— Чё-чё? Ты ещё кто такой? — жена Ван Чанцзяна, женщина по имени Хуан Лин, во все глаза уставилась на Линь Саня.

Её золовка, Ван Сюэмэй, была девицей не лучшей репутации: в молодости вечно гуляла с кем попало, потом нагуляла пузо и родила этого безродного бастарда. Но и на этом всё не кончилось — родить родила, а растить не стала, бросила на родную мать. Сама же, по слухам, укатила на юг и за последующие десять с лишним лет не подавала о себе вестей. Когда свекровь скончалась, Ван Яо, этот «багаж», волей-неволей остался жить в их семье.

И вот теперь — гром среди ясного неба, объявился папаша. Первой реакцией Хуан Лин был не восторг и даже не гнев, а корысть:

— Твой сын в моем доме столько лет пил-ел за наш счет. Ну-ка скажи, как ты, папаша, собираешься нам это компенсировать? — Хуан Лин скрестила руки на груди, всем своим видом показывая: пока не дашь мне четкий ответ, из этой двери не выйдешь.

Для ребенка потеря родителей и жизнь из милости в чужом доме — и так дело горькое, а если еще и родственнички попадутся злые на язык, то жизнь и вовсе превращается в ад. Вспомнив строчку на светящемся табло «серьезное недоедание», Линь Сань всё для себя уяснил.

— Раньше меня не было рядом, и А-Яо приходилось жить с вами. Теперь я вернулся, и, разумеется, он будет жить со мной, — спокойно ответил Линь Сань, глядя на супругов.

— Что касается компенсации, о которой вы говорите, — это справедливо. Так и быть, называйте

цену.

— Да как же так можно! Не годится это! — Ван Чанцзян замахал руками в знак протеста.

Люди в ту эпоху были простыми и прямолинейными: помогать братьям и сестрам считалось делом само собой разумеющимся. Тем более А-Яо был таким послушным ребенком. С самых малых лет он стирал, готовил и прибирался в доме. Если кто кому и задолжал, так это он, дядя, задолжал племяннику.

Однако в этом доме заправляла Хуан Лин. Женщина внезапно сверкнула глазами и яростно прикрикнула на мужа:

— А ну закрой свою варежку!

Ван Чанцзян: «...»

И правда, сразу поник и не смел пикнуть.

— Братишка, я вижу, ты человек дела, — Хуан Лин хитро прищурилась, и её безмерная жадность заставила её выпалить:

— Я хочу десять тысяч юаней.

Это было не просто «раскатать губу», это была попытка змеи проглотить кита! Сидевший рядом Ван Чанцзян мгновенно покраснел от стыда, а Ван Яо застыл с открытым ртом, до боли закусив губу от ярости. Однако, ко всеобщему удивлению, Линь Сань лишь слегка улыбнулся. Он даже не подумал торговаться и сразу согласился. Сказал: «Десять так десять», но уточнил, что сейчас денег нет — принесет через три месяца.

Хуан Лин посмотрела на него с подозрением:

— И как мне тебе верить?

— Напишу расписку черным по белому, — Линь Сань посмотрел на сомневающуюся женщину и вдруг добавил с усмешкой:

— Конечно, я понимаю, вы столько времени растили А-Яо, наверняка привязались. Если так, то давайте сделаем вид, будто я не приходил, и пусть он и дальше остается вашим ребенком!

«Ага, щас! У меня что, своих детей мало? Сдался мне этот лишний рот!» — подумала Хуан Лин. Так что, вполне ожидаемо, она в итоге дала добро.

Линь Сань повернулся к ошарашенному Ван Яо:

— Иди собирай вещи, мы уходим прямо сейчас.

На самом деле собирать было особо нечего — вещей у Ван Яо было кот наплакал. В итоге он, всё еще не веря своим глазам, накинул рюкзак и в нерешительности последовал за Линь Санем.

Линь Сань не стал возвращаться к себе — он ведь всё еще жил у братишки Лана, и приводить туда ребенка было совсем не с руки. Поэтому он просто снял номер в ближайшей гостинице, решив перекантоваться там одну ночь.

— Я узнал, в вашей школе можно жить в пансионе. Какое-то время поживешь в общежитии, ты как на это смотришь?

Услышав это, Ван Яо немного переменялся в лице.

— Ты не пойми неправильно, дело не в том, что я не хочу, чтобы ты жил со мной... — Линь Сань честно и обстоятельно объяснил ситуацию.

«У самого даже крыши над головой нет, а первым делом бросился меня забирать?» В этот миг на душе у Ван Яо стало невыносимо тоскливо и одновременно тепло. Он опустил голову, и его глаза мгновенно покраснели.

Линь Сань не заметил бури эмоций в душе старшего сына и продолжал ворчать:

— И еще кое-что. В тот бар — больше ни ногой. Твои расходы на жизнь, учебу и прочую дребедень я беру на себя. Ты давай, грызи гранит науки со спокойной душой, учись хорошенько, чтобы в будущем поступить в нормальный университет, понял?

Линь Сань: — Ты меня слышишь?

Ван Яо, не поднимая головы, едва слышно выдавил: — Угу.

<http://bllate.org/book/16514/1501269>